

Марченя Павел Петрович — кандидат исторических наук, доцент учебно-научного центра «Новая Россия. История постсоветской России» Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета; доцент кафедры философии Московского университета МВД России, г. Москва

Октябрь 1917-го как узловая проблема современного россиеведения

Ключевые слова:

смута, Февральская революция, Октябрьская революция, 1917 год, россиеведение

Статья посвящена проблеме интерпретации места и роли Октябрьской революции в современных дискуссиях о прошлом, настоящем и будущем России. Октябрь 1917 года осмыслен в качестве системообразующей проблемы современного проективного россиеведения. Исследование природы и механизмов смуты и революции в России рассматривается как ключ к пониманию России и ее места в мире.

...Ни в чем не знаем меры да середины,
Все по краям да пропасти блуждаем...
М.А. Волошин («Россия»)

Очередная годовщина Октября 1917-го дает повод вновь обратиться к значению роковых событий и времен истории, надолго, если не навсегда, изменяющих судьбы человека и общества. Обращение к таким событиям и таким временам многое помогает понять о самом себе и своем собственном времени. Ведь подобно тому, как отдельный человек познается реально и полно не в состоянии покоя, а в ситуации кризиса, так и целые народы, государства и цивилизации наиболее полно познаются «у бездны на краю», в тяжелые исторические времена хаоса, потерь и перемен. В различных культурах и цивилизациях к таким временам относятся по-разному. Известная китайская поговорка (легко трансформируемая в страш-

ное для китайца проклятье) гласит: «Лучше родиться собакой во времена покоя, чем человеком в период хаоса». Великий русский поэт и мыслитель Ф.И. Тютчев замечательно выразил прямо противоположное по смыслу национальное видение эпох «Великих перемен» в истории человека и человечества: *Блажен, кто посетил сей мир / В его минуты роковые! / Его призвали всеблагие / Как собседника на пир. / Он их высоких зрелищ зритель, / Он в их совет допущен был — / И живо, как небожитель, / Из чаши их бессмертье пил...*

Так или иначе, но настоячивые попытки извлечь и освоить «исторические уроки» времен «хаоса» и «смуты» в социальной жизни как неслучайных, «роковых минут» — и в судьбе «Мира» в целом, и в пути «Русского

мира» в частности — в связи с очевидными рецидивами (если не перманентностью) «переходных периодов» истории России по сей день остаются «непреходяще» актуальными для целого комплекса социогуманитарных наук, практически без промаха «злостно» во всякий день для многих средств массовой информации и неизменно высоко востребованными со стороны самых разных политических сил внутри и вне российского общества.

Более того, насущная необходимость осмысления и понимания периодически повторяющихся системных кризисов, по-прежнему представляющих реальную угрозу национальной (государственной и общественной) безопасности, выступает одним из главных вызовов для интеллектуального класса

современной России. Тем не менее, как это признают сами представители такого класса: «Российская политическая и интеллектуальная элита до сих пор не желает прийти к соглашению относительно желательного будущего страны. Поэтому она продолжает бескомпромиссно спорить и о прошлом...» [1, с. 11].

Однако верно и обратное: пока среди элиты нет даже минимально необходимой для нормального, поступательного развития государства и общества историко-политической конвенции о былом, невозможно достичь искомого компромисса и по поводу грядущего. И это значит, что Россия по-прежнему, как в китайском проклятии, «обречена» постоянно пребывать в «эпохе перемен» и разрываться противоречиями неосуществленного (или «недо-осуществленного») выбора.

Незавершенность и неразгаданность «русской смуты» выступает своеобразной осью «вечного маятника» русской истории, в которой сменяют друг друга паллиативы непродуманных реформ и непоследовательных «контрреформ», авральныхстроек и катастрофических «перестроек», оплаченных непомерной ценой революций и их отнюдь не дешевого «изживания». И без иронии воспринимаются весьма туманные современные прогнозы авторитетных иностранных россиеведов наподобие Джеймса Биллингтона («... Среди возможных будущих путей самоидентификации России есть альтернативы намного лучше и намного хуже того, что можно предвидеть в настоящее время...») [2, с. 10, 11] или Доминика Ливена («Настала пора для русских перехватить инициативу, вернуть лидерство в написании собственной истории. Этот процесс открывает огромные возможности и таит в себе огромные опасности...») [17, р. XIII].

В таком контексте, совершенно особый интерес не только для историков России, но и для любого россиеведа, представляет Октябрь 1917-

го, итоги которого обусловили ключевые параметры всей отечественной (и не только) истории Новейшего времени. Симптоматично, что уже самый первый выпуск «Трудов по россиеведению» образованного в 2008 г. Центра россиеведения Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (который, таким образом, можно считать задающим общую генерализующую направленность всему современному отечественному академическому россиеведению как неожиданно «новой» для российского научного сообщества социогуманитарной дисциплины) — целиком и полностью посвящен одной единственной теме — проблеме русской революции, рассматриваемой как ключ к «понимающему познанию» России [13].

большевики... «...оказались у «кассы истории». И взяли ее...»

Воистину «судьбоносные» события уместились в краткий, но исключительно концентрированный исторический миг от Февраля к Октябрю 1917 г.: от сокрушительного падения традиционного самодержавия — до не менее сокрушительного падения новопровозглашенной «самой демократической в мире демократии». Всего лишь 8 месяцев календаря — навечно запечатленного в великом множестве хроник и воплотившего надежды и страхи великого множества людей «Семнадцатого года» — спрессовали в себя эпохальные пласты истории: обвал многовековой самодержавно-монархической системы взаимодействия власти и общества, попытку установления ранее невиданного в России «народовластия», крах этой попытки, выразившийся в анархии и охлократии, попытке путча «справа» и установлении диктатуры «слева».

В этот уникальный период история предоставила шанс всем актуальным политическим силам России реально проявить свои потенциальные возможности, попытаться на практике доказать соответствие исповедуемых теорий российской действительности, воплотить в жизнь доктринально провозглашенные «исторические альтернативы», доказать возможность органично «вписать» в отечественный исторический ландшафт новации «гладких бумаг», преодолев традиционные российские «овраги».

Сразу несколько таких «бумажно-исторических альтернатив» получили возможность побороться за право на наследование за еще при жизни ставшим трупом царизмом. В качестве наследства выступала власть в самой крупной из сухопутных империй мира — Российской империи. Такая власть — не столько над бескрайними просторами и их несчетанными материальными ресурсами, сколько — в первую очередь — над огромными массами народа (народов) Империи, над жизнями — телами и душами, умами и сердцами Ее, Империи, подданных — не могла перейти из рук в руки легко и безболезненно, без борьбы и потрясений, путем простого соблюдения некоей юридической процедуры по воображаемому политиками правилам.

Рубеж конца Нового времени вообще оказался роковым и даже фатальным в судьбе целого ряда империй, предельно обнажив проблему не только их удивительной исторической жизнеспособности, типической устойчивости во времени, но и их необыкновенной исторической «хрупкости», особой уязвимости в «смутные времена». Не смогла остаться в стороне и Россия. Фактическая капитуляция перед вызовами Новейшего времени в течение многих столетий игравшего системообразующую роль в отечественной истории Самодержавия поставила на повестку дня вопрос о самой возможности сохранения России в ее имперском формате.

В оставшейся без Самодержца Державе, в условиях беспрецедентного резонанса грандиозных социальных катаклизмов (мировой войны, модернизации, революции, потери «почвы» и тотального кризиса идентичности), все участвующие тогда в стихийно образовавшемся историческом конкурсе партийно-политические «альтернативы» можно назвать, в той или иной степени, утопическими. В таком ракурсе, это был своеобразный аукцион политических мифов, парадоксальное состязание парадоксальных утопий. Или «трагедия соревнующихся невозможностей», как еще в 1997 г. оценил русскую революцию известный американский историк Уильям Розенберг [15, р. 30].

«Смута» воцарилась не просто на геополитически великом по (без всякого преувеличения) глобальным меркам пространстве, в одночасье утратившем привычные скрепы самодержавной государственности. Еще в большей степени «смута» установилась в мифологическом пространстве массового сознания и без того склонного к крайностям (без малейшей иронии) великого русского народа, мобилизованного «Великой русской революцией» в сферу «большой политики», где боролись за доверие и голоса народа политические партии, о которых последний имел самое «смутное» представление.

Но среди множества сомнительных мифов смуты есть и непреложный факт истории: на этом, организованном самой «Ея Величеством» Российской Историей, стратегическом тендере партийных утопий неожиданную, но от этого не ставшую менее убедительной, победу вырвал большевизм, который почти никто из конкурентов поначалу вообще не принимал всерьез. Однако именно партия большевиков пришла ко двору Истории, из ее полумифического и полуполюгального аутсайдера стремительно превратившись в ее реального и единственного фаворита, изоморфного Сму-

те и адекватного своему времени и месту. Органично вписавшись не только в безумие, но и в логику русской смуты, большевики, по выражению академика Ю.С. Пивоварова, «...оказались у "кассы истории". И взяли ее...» [13, с. 37].

И вот уже скоро будет век, как не прекращаются (то слегка затухая, то вновь резко разгораясь в связи со «злойбой днью» или просто очередным юбилеем) жаркие споры об «исторической закономерности» либо «исторической случайности» победы первоначально непопулярной и малочисленной партии и о месте и роли политических событий России Февраля – Октября 1917 г. в отечественной и мировой истории.

Октябрь 1917-го... является... пройденным «историческим перекрестком»...

Значимость непредвзятого — *Sine ira et studio* («Без гнева и страсти»), как сформулировал наиболее трудную задачу и в то же время священный долг каждого добросовестного историка еще Публий Корнелий Тацит в самом начале своих знаменитых «Анналов» — осмысления этих событий, казалось бы, признается всеми — политиками и учеными, левыми и правыми, русофобами и русофилами, советологами и россиеведами. Вот только всякие попытки «беспристрастного» разговора о революции, как правило, немедленно возбуждают страсти и раскалывают аудиторию на «революционеров» и «контрреволюционеров». Обсуждение смуты нередко само выливается в «смуту» [см., напр.: 10], а диспуты о гражданской войне легко перерастают в локальные «гражданские войны» [9] в залах

Ученых Советов и научных конференций, на трибунах и «рингах» теле- и радиоэфира, страницах печати и бесчисленных сайтах Мировой Паутины [см., напр.: 12].

Стоит прислушаться, и действительно: отголоски гражданской войны (дай Бог, чтобы лишь прошлой, а не грядущей) до сих пор отчетливо различимы в ожесточенных дискуссиях, которые ведут по этому поводу даже обычно самые «мирные» ученые. На любом «круглом столе», посвященном смуте и революции в России [см., напр.: 5], сразу же обозначаются явно несовместимые с «округло-застольным» спокойствием сообщества профессионально равнодушных к добру и злу летописцев болезненно жгучие «острые углы», по которым не удается достигнуть ни согласия, ни компромисса даже работающим в одних и тех же архивах и заседающим в одних и тех же кабинетах историкам. Не говоря уже о публицистах и политиках, для которых оценочная интерпретация Октября 1917-го остается важнейшим критерием партийно-политической дифференциации и интеллектуально-идеологической демаркации российского социума на потомков и преемников «красных» и «белых» — на «наших» и «не-наших» и прочих «своих» и «чужих». Отношение к «Семнадцатому году» прошлого столетия — уже в новом веке и новом тысячелетии — продолжает служить не только банальной «разменной монетой» в политических играх, но и подлинной мерой отечественного междоусобного размежевания, актом реального выбора «боевого знамени» и принципиального определения «народа» и «врагов народа» («братоубийственного» распределения «целей») в расколотом российском обществе.

Увы, сегодня приходится с сожалением констатировать: «топор гражданской войны» в России пока не зарыт. «Пепел» героев и жертв революции все еще требовательно «стучит» в наших сердцах, призраки «красных» и «бе-

лых» неуспокоенными бродят по российской земле, потрясая взаимно попорванными отеческими святынями и взывая к отмщению все новым поколениям своих кровных и духовных наследников... И это значит, что «смутное время» российской истории преждевременно объявлять законченным.

В стране, где, — по до сих пор актуальным словам А.С. Пушкина, — долго, долго брани / Ужасный гул не умолкал... / Где старый наш орел двуглавый / Еще шумит минувшей славой, — обсуждение смысла «русской смуты» (как и смысла «имперскости» отечественной государственности) так и остается «полем брани» — интеллектуальной, и не только. «Бесконечно» (?) длящаяся ситуация «исторического выбора» России — в ситуации глобальных вызовов-угроз современности — превратила академическое изучение Октября 1917-го в исключительно значимую в контексте информационных войн проблему цивилизационной идентичности и социокультурного самоопределения. Попытки «подвести, наконец, итоги» той смуты и обрести «национальное согласие» («народное единство» или хотя бы «примирение») из ставшего уже традиционным для российского общества предмета пристального и пристрастного внимания ученых, политиков и публицистов переросли в жизненно важный для самого существования российского общества и всей российской цивилизации вопрос.

Более того, исследование «русской смуты» вообще является необходимой смыслообразующей предпосылкой для ответа на самый главный вопрос проективного россиеведения: «*Что такое Россия?*».

В свое время на аналогичный вопрос «Что такое Франция?», довольно категорично сформулированный Фернаном Броделем [3], другой известный французский историк Пьер Нора ответил: «Франция — это память» [14]. Согласно взглядам Нора

и его сподвижников на значение «исторической памяти» в социальной жизни нации, такие явления как «История» и «Память» в известном смысле выступают не только не тождественными, но и прямо противоборствующими по отношению к оценкам фактов прошлого в общественном сознании. «Память» освящает, сакрализует минувшее, превращает его в исторический памятник» (придает ему застывшую, «окаменевшую» форму некоего монумента). «История» же стремится демонтировать, сознательно разрушить этот стихийно сложившийся монумент, она десакрализует события, лишает «памятники» их священной неприкосновенности. Но где-то на стыке Истории и Памяти каждая нация имеет (создает и непрерывно воссоздает) собственные так называемые «места памяти». Последние выступают

как особые знаки «в чистом виде», двойственные по своей природе. С одной стороны, «места памяти» герметичны, самодостаточны, закрыты в себе самих (в своем прошлом), но с другой — они порождают новые (актуальные для настоящего и устремленные в будущее) значения и смыслы, активно выходящие за пределы исторической памяти и способные расширять ее относительно тех событий, которым эти «места памяти» были посвящены изначально.

В этом смысле, «Октябрь 1917-20» для России оказывается таким общесоциальным знаковым «местом памяти», от которого зависит слишком многое.

И дело не в том (не только в том), что мы «должны признать: Русская Революция является главным событием русской истории» [13, с. 29].

И даже не в том, что (по справедливой оценке со-

П © Жуков Н.Н.

Апассионата. Москва. 1952

временного отечественного исследователя русских революций В.Д. Соловья) таких, по-настоящему «Великих» — «великих по глобально-историческим последствиям, по масштабам влияния» — революций, «в полном смысле слова изменивших мир», в истории человечества было всего лишь две — «Великая Французская Революция и Великая Большевицкая Революция» [5, № 4, с. 17]. Или вообще Октябрьской революции как «Величайшей из всех революций планеты» просто не было равных по значимости в мировой истории [6]. Причем ее огромную, эпохальную роль для судеб не только России, но и всего человечества признают не только в российской исторической науке, но и в запад-

ной. Еще один из очевидцев революционных событий 1917 г. в России американский профессор Франк Альфред Голдер признал этот год «великим», открывшим новую страницу в истории [16, р. XVI].

А знаменитый английский философ Бертран Рассел, посетивший революционную Россию в 1920 г., записал: «Российская революция — одно из величайших героических событий в мировой истории. Ее сравнивают с Французской революцией, но в действительности ее значение еще более велико...» [11, с. 5]. Даже в американских политических словарях времен «холодной войны» признавалось: «Ни одно событие не оказало большего влияния на XX в., чем большевицкая

революция» [18, р. 14]. И сегодня, парадоксальным образом, в то время как некоторые отечественные авторы склонны отречься от своего прошлого и признать, что 1917 г. и последовавшие за ним «75 коммунистических лет — это чудовищная опечатка истории, которая вкралась ничуть не закономерно...» [7, с. 185], многие серьезные западные специалисты высказывают противоположную оценку. Так, например, современный профессор истории университета Джорджа Мейсона (Вирджиния, США) Рекс Уэйд в монографическом исследовании, вышедшем в рамках издаваемой Кембриджским университетом серии «Новые подходы к европейской истории» подчеркивает, что «русская рево-

Веночек

люция, несомненно, остается одним из самых важных событий мировой истории» [19, р. 9]. Другой американский профессор, один из признанных мэтров советологии и патриархов западного россиеведения Роберт Даниэлс тоже признает, что русская революция, «без сомнения, является центральным событием в истории России XX в., а также одной из основных тем современной мировой истории» [8, с. 92.]. И подобных авторитетных признаний можно привести множество.

Однако повторимся, дело не в этом. Дело в том, что, как сформулировал один из самых известных исследователей российской смуты 1917 г. («Красной смуты») В.П. Булдаков: «Невежество обходится очень дорого. История — это обучающий, а не убивающий процесс. Понять "красную смуту" — зна-

чит понять будущее России. В конечном счете, это значит понять, наконец, место России в будущем человечества» [4, с. 373].

И действительно, несмотря на непримиримую амбивалентность и антагонистичность исследовательских выводов и оценок, большинство скрецаивающих полемические копыта и перья исследователей все же сходятся в одном: Октябрь 1917-го и ныне является не просто символической «точкой отсчета» и уже пройденным и оставленным далеко и навсегда позади «историческим перекрестком» и «временем упущенных альтернатив». **Октябрь 1917-го остается «местом памяти» Отечества, мерой понимания России, краеугольным камнем выбора ее пути и своего места в ней. В ее прошлом, ее настоящем и ее будущем.**

Источники

1. Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? М.: Либер. миссия, 2005.
2. Биллингтон Дж. Россия в поисках себя. М.: РОССПЭН, 2006.
3. Бродель Ф. Что такое Франция? М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1994.
4. Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 1997.
5. Булдаков В., Марченя П., Разин С. Международные круглый стол «Народ и власть в российской смуте» // Власть. 2010. № 4–9. Или см. на сайте журнала: <http://www.isras.ru/authority.html>.
6. Голуб П. Величайшая из всех революций планеты: наш ответ фальсификаторам Октябрьской революции // Диалог. 1997. № 10. С. 49–63.
7. Горянин А.Б. Мифы о России и дух нации. М.: Pentagraphic, 2002.
8. Даниэлс Р. Революция, обновление и парадоксы России в XX веке // Россия на рубеже XXI века: Оглядываясь на век минувший. М.: Наука, 2000. С. 91–111.
9. Кагарлицкий Б. Гражданская война в конференц-зале, или Революция, которая не закончилась // <http://www.russkiymir.ru/russkiymir/ru/publications/articles/article0355.html>.
10. «Красная смута» на круглом столе (Обсуждение книги В.П. Булдакова «Красная смута. Природа и последствия революционного насилия») // Отечественная история. 1998. № 4. С. 139–168.
11. Рассел Б. Практика и теория большевизма. М.: Наука, 1991.
12. Суд времени «Большевики — спасители или губители России?» // Федеральный 5-й канал: ТВ-эфир от 16–18 августа 2010 г. // <http://www.5-tv.ru/programs/broad-cast/505437/>.
13. Труды по россиеведению: Сб. науч. трудов. Вып. 1. М.: ИНИОН РАН, 2009.
14. Франция — память / П. Нора и др. СПб.: Изд-во С.-Петербург. унта, 1999.
15. Critical Companion to the Russian Revolution, 1914–1921 / E. Acton, V. Cherniaev, W. Rosenberg (eds.). London: Edward Arnold, 1997.
16. Golder F.A. War, revolution, and peace in Russia: The passages of Frank Golder, 1914–1927. Stanford: Hoover institution press, 1992.
17. Lieven D. Empire: The Russian Empire and its Rivals. London: John Murray, 2000.
18. McCrea B.P., Plano J.C., Klein G. The Soviet and East European political dictionary. Santa Barbara: ABC-CLIO Information Services, 1984.
19. Wade R.A. The Russian Revolution, 1917. Cambridge: Cambridge university press, 2000.

Винтовка трехлинейная образца 1891 г.

Разработка механизма: затвора, ствольной коробки, магазинной коробки, ложи - С.И. Мосина. Разработка ствола и патрона Комиссией по испытанию магазинных ружей, разработка обоймы Л. Нагана.

Основное оружие русской армии в первой мировой войне 1914–1918 гг., а также солдат и красногвардейцев в революционных событиях 1917 г.

Раздел ведет: **Шепарев Роман Михайлович** — кандидат исторических наук, хранитель фонда Государственного центрального музея современной истории России, г. Москва

ЦМСИР